

Человек страдающий, или травмы, сформировавшие нацию

Татьяна Анатольевна Тармогина

- Психолог, психологически-ориентированный психотерапевт, клинический психолог
- Руководитель проекта «Звезды мирового психоанализа» в составе редакционного совета научно-информационного журнала ЕАРПП «Пространство Психоанализа и Психотерапии»
- Действующий член ЕАРПП
- Участник докторской программы по психотерапии Института Зигмунда Фрейда, Вена, Австрия (SFU Vienna, Austria)

Не будет преувеличением сказать, что испытания, выпавшие русскому народу за его историю, очень значительны. И особенно в XX веке, где плотность, масштабность, трагичность событий вряд ли может быть сопоставима с таковыми в любой другой стране и периоде. А между тем XX век – это всего лишь 2-3 поколения назад от живущего сейчас современника. Гораздо ближе, чем кажется, вспоминается и осознается. Совсем рядом, чтобы не попробовать рассмотреть этот период с точки зрения родового переноса – травм, передаваемых от поколения к поколению.

Времена, пережитые нашими ближайшими родственниками – родителями, бабушками, дедушками и их мамами и папами, братьями и сестрами охватить одним взглядом и одновременно осмыслить невозможно. Сила потрясений, изменений, переживаний – огромна. В каждой семье есть история, а скорее даже истории, относящиеся к тому

периоду и несущие с собой, в лучшем случае, пережитые драмы, а в большинстве своем или в дополнении к ним – секреты и тайны, темные истории, потерянные корни, сокрытые факты, неизвестные детали, оборванные связи, невысказанности и недосказанности, утраты и потери, боли и страхи, о которых не принято говорить вслух.

Трансгенерационную передачу относят к негенетическим формам наследия, где события, пережитые предыдущими поколениями, оказываются сверхболезненными, невыносимыми для их представителя и его окружения, таким образом воплощаясь в форме глубокой интрапсихической травмы. Вследствие невозможности ее переработать, обусловленной индивидуальными и средовыми особенностями, травмирующие переживания передаются представителям следующего поколения – инкорпорированными в бессознательное или в виде патогенного пробела в сознательном – и так, в результате переноса, эти «капсулы времени» встраиваются в структуру личности и образуют специфические внутренние переживания и мировосприятие.

Психика как будто заполняется осколками трагедий и драм, произошедших с предками, и эти сверхзаряженные элементы неосознанной памяти образуют родовой психогеном, оказывающий непосредственное влияние на психическое здоровье индивидуума.

В очень доступном изложении этот феномен был представлен Эриком Берном, американским психологом и психиатром, основоположником транзактного анализа, кстати с русскими корнями (настоящее имя Леонард Бернштейн). В своих работах он оперирует

Психика как будто заполняется осколками трагедий и драм, произошедших с предками, и эти сверхзаряженные клетки неосознанной памяти, подобно процессу генетической мутации, образуют родовой психогеном.

обуславливается воздействием этой невидимой психологической силы, продолжая непрерывность паутины бессознательно наследуемых и вплетаемых в психические структуры нитей судьбы, делая жизнь предсказуемой и, в определенном смысле, более безопасной. При изучении этого феномена Берн отходит от классической фрейдистской модели психического аппарата, состоящего из Я, Сверх-Я и Оно, фокусируясь на трех состояниях Эго – Взрослый, Родитель и Ребёнок. По мнению Э. Берна, эти Эго-состояния ребенок приобретает в процессе общения с родителями, и именно они интегративно формируют психическое пространство индивидуума и определяют алгоритм его межличностных и социальных взаимодействий.

Ключевую роль средового фактора в целом подтверждает венгерский психоаналитик Иван Бузормени-Надь, сформулировавший ключевые понятия феномена трансгенерационной передачи. Человек рождается и воспитывается в комплексной и сугубо индивидуальной системе взаимоотношений, составленной из уникальных социальных связей, в первую очередь, семейных. Именно в семье происходит базовое формирование личности и именно в семейном контексте наиболее ярко, буквально проявляется взаимосвязь прошлого и будущего. Бузормени-Надю принадлежит понятие «невидимой лояльности». Именно лояльность является основой межпоколенческой связи, по мнению аналитика. В каждой семье незримо ведется своего рода «бухгалтерская книга», где отражаются действия и поступки всех представителей поколений, и на каждого члена семьи заведен свой собственный личный счет с «кредитом» и «дебетом». Законы невидимой лояльности требуют восстановления справедливости и оплаты долгов. Неоплаченные же долги переходят к потомкам, принимая форму тех или иных проблемных особенностей, передающихся из поколения в поколение.

Сценарий, по мнению автора, – это своего рода социально-поведенческий стереотип, который формируется в межличностных отношениях семейной матрицы. Этот паттерн закрепляется в родовой памяти и таким образом бессознательно модерирует жизненный путь наследников.

«Синдром предков» (А. Шутценбергер), «склеп» (Н. Абрахам), «двойные идентичности» (Д.В. Кампенхаут), «визитеры Эго» (А. де Мижолла), «призраки в детской» (С. Фрайберг), «горячая картофелина» (Ф. Инглиш) – такими метафорами обозначали это явление другие изучавшие его психоаналитики и психотерапевты.

Общим для всех является понимание того, что в результате трансгенерационной передачи индивидуум носит в себе элементы бессознательного другого. Травматичный опыт, который оказался невозможным для переработки его непосредственным получателем, то есть не был им осознан и принят как часть собственной психической структуры, оказывается радиоактивным для всех последующих представителей.

Эффект радиации во многом обусловлен тем фактом, что в семье часто существует молчаливый стовор о нераспространении информации о травмирующем событии – своего рода табу на обсуждение, воспоминание, оценку тех событий. Таким образом, образуется неосознаваемое противоречие, которое и обладает наибольшим патогенным влиянием на психику, при котором в семье, с одной стороны, запрещается говорить «об этом», но одновременно «об этом» и невозможно забыть – именно из-за запрета на обсуждение. Такой сверхзаряженный амбивалентный элемент психической системы образует слепую зону, «белый шум», присутствие которого субъектом не осознается, но ощущается – как нечто странное, мистическое, кармическое, а также может проявляться на соматическом уровне – от навязчивых кошмаров до заболеваний психосоматического генезиса; отсюда исходит одна из базовых гипотез о психосоматическом функционировании, предполагающая, что то, о чем замалчивается в первом поколении, последующее будет носить в своём теле.

Каролин Эльячефф, французский психоаналитик, также занимающаяся исследованием межпоколенческих взаимосвязей, подтверждает, что «замалчивание на деле не только не спасает от травм, но приводит к различным патологическим проявлениям в нескольких поколениях».

Итальянский психоаналитик Анжела Коннолли в своей статье «Исцеляя раны наших отцов: межпоколенческая травма, память, символизация и повествование» выделяет два ключевых аспекта, определяющих трансгенерационность передачи травмы – смерть времени и смерть речи. Под смертью времени подразумевается исчезновение границ между объективным историческим временем и субъективным его восприятием. А условие замалчивания, описанное выше, порождает второй феномен – смерть речи. Пережитое оказывается невозможным к описанию, способность к символизации утрачивается. И даже если изначально трансгенерационное содержание могло быть относительно нейтральным, влияние чужеродного элемента, который возникает в психике на его месте ввиду этих факторов, становится разрушительным.

В семьях с длительной историей травм, например, в случае расовой дискриминации, в результате трансгенерационного переноса могут вырабатываться специфические способы психического функционирования – защиты и свойства характера – которые закрепляются в родовом психогеноме и становятся своего рода «экзоскелетом» целого рода, наследуемым наравне с индивидуальными генетическими особенностями.

Здесь самое время упомянуть феномен коллективной травмы, автором которого является всемирно известный психиатр и психоаналитик кипрско-турецкого

происхождения Вамик Волкан. По его мнению, травма, пережитая группой, может стать определяющей характеристикой для всей общности, которая в дальнейшем обрекается на коллективное переживание. Невыносимые чувства, не получившие своего разрешения, оказываются, по сути, неотгореванными, непринятыми и, таким образом, передаются из поколения в поколение, становясь частью идентичности группы.

Поразительным фактом является то, что коллективная травма переживается поколениями через воспоминания, в том числе воспоминания без непосредственного опыта проживания самого травмирующего события. Это бессознательно проигрываемое «колесо сансары» не останавливает свой бег пока психологические процессы не найдут своей нормативной разрядки и не будут полноценно пережиты их носителями. Так, процесс трансгенерационной передачи может становиться частью социокультурного наследия, встраиваясь в матрицу культурной идентичности целого этноса или общности.

Большинство психоаналитиков исследовали феномен трансгенерационной передачи на примере отдельных исторических событий, произошедших разово, например, военное вторжение или холокост, или событий, имеющих место на историческом ландшафте редко, но системно, такие как геноцид.

В книге «Слезы предков» голландский психолог еврейского происхождения Даан Ван Кампенхаут исследует психическое наследие детей евреев, переживших концлагеря, и детей нацистов, находящихся в тот период по другую сторону колючей проволоки. Наряду с Кампенхаутом эту тему исследовали многие другие европейские и американские психологи и психиатры, такие как M.S. Berman, M.E. Jucovy, T. Des Pres, M. Hirsch, N.P. Kellermann и другие.

Изучению с точки зрения трансгенерационной передачи и межпоколенческой травматизации также подвергались участники относительно современных военных действий и локальных конфликтов, таких как война во Вьетнаме или югославский кризис, армянский и камбоджийский геноциды, японские наследники ядерного удара, жертвы тоталитарных режимов и даже потомки этнических чисток аборигенов Австралии, Америки, Африки.

В результате трансгенерационной передачи индивидуум носит в себе элементы бессознательного другого.

В каждой семье незримо ведется своего рода «бухгалтерская книга», где отражаются действия и поступки всех представителей поколений, и на каждого члена семьи заведен свой собственный личный счет.

Но мне сегодня хотелось бы посмотреть на этот феномен шире и одновременно уже: в рамках одного народа – русско-го, и в рамках одного, но очень значимого, уникального для глобальной и национальной истории периода – XX века.

Ранее встречающиеся мне описания трансгенерационной передачи,

как правило, ограничивались описанием одного события и на примере двух поколенческих цепочек. Так, например, жертвы холокоста проецируют свои страхи на детей, а дети, в свою очередь, интроецируют их так, как если бы они сами пережили ужасы концлагерей. Подавленное горе родителей перемещается на потомков и те, в свою очередь, оказываются как будто бы бессознательно зараженными неперевавленными, подавленными эмоциями родителей, пережитыми в рамках одного события. Дети сами начинают испытывать необъяснимый страх или тревогу, присущие прошлой трагедии.

Действительно, в истории отдельных народов события такого разрушительного масштаба, как правило, представлены единичными явлениями, разбросанными между столетиями. XX же век для России представляет собой уникальный исторический пласт, в котором сконцентрировалась целая плеяда фундаментальных, исторически значимых для народа и каждого ее представителя событий. Плотность этих событий, стремительность их временной развёртываемости, формат и масштаб сложно переоценить даже самым скептически настроенным историкам. Чтобы не быть голословной, предлагаю вспомнить хронологию.

Но, прежде чем синхронизировать с читателями перечень значимых событий исследуемого периода, имеет смысл определиться с критериями выбора, чтобы обозначить те, которые действительно могли обладать наибольшей силой воздействия и оказать критическое влияние на жившие в то время поколения. Выделение таких критериев, безусловно, является вольным допущением, потому что любое, даже самое малое событие способно оказать непоправимое влияние на психику и переживаться крайне травматично – этот процесс очень индивидуальный и он едва ли поддается унификации, однако я предлагаю руководствоваться статистическими данными и историческим контекстом. Такой подход позволит объективизировать огромный пласт данных, выделив из них те, которые фактически были сопряжены с наибольшими официально признанными потерями и радикальной сменой социокультурной парадигмы.

Итак, опираясь на эти критерии, к значимым событиям российской истории XX века уверенно можно отнести следующие:

- Первая русская революция 1905-1907
- Первая Мировая Война 1914-1918
- Падение Российской Империи: Февральская революция и Октябрьская социалистическая революция 1917
- Гражданская Война 1918-1923
- Военный коммунизм, голод 1921
- Создание СССР: НЭП, первая волна эмиграции
- Красный Террор, поражение в правах, экспроприация частной собственности, коллективизация, раскулачивание, насильственное выселение, голодомор 30-х гг., репрессии против священнослужителей
- Большой Террор 1937-1938
- Вторая Мировая Война 1939-1945/Великая Отечественная Война 1941-1945
- Послевоенные репрессии
- Развенчание культа личности Сталина
- Диссидентское движение

- Локальные конфликты: Венгерское восстание 1956, Карибский кризис 1962, Чехословакия 1968, Китай 1969, Афганистан 1979-1989
- Перестройка, распад СССР, 90-е

Безусловно, это не полный список, но с точки зрения влияния на жизнь страны и ее населения, а также вероятности индивидуального и коллективного проживания психотравмирующего события (событий) их без сомнений можно причислить к наиболее значимым.

Посмотрите, как внушительно этот список выглядит во временном континууме в разрезе поколений¹:

За каждым событием, развернувшимся для русского народа на плацдарме XX века, стоят фундаментальные изменения и последствия, вторгнувшиеся в жизни десятков миллионов людей, в судьбы, надломившиеся под натиском невероятных испытаний, – от буквальной гибели до смертельной опасности.

Каждое из них было сопряжено с большим, а в некоторых случаях немислимо огромным количеством человеческих жертв, имущественных потерь, утратой социального статуса, тотальной трансформацией национальной идентичности и социокультурного ландшафта. По сути, любое из этих событий можно рассматривать как отдельную гуманитарную катастрофу наравне с теми, которые уже были предложены к изучению западными коллегами и перечислены выше. Только в нашем случае речь идет о практически непрерывной столетней цепочке трагедий, последовательно постигших один народ минимум в трех поколениях подряд.

1 Поколение в среднем принято рассчитывать исходя из интервала от 20 до 30 лет – разные теоретики предлагают свою логику. Для целей этого исследования предлагается рассматривать среднее значение.

Нет никакого сомнения, что наши родители, бабушки, дедушки и их родители и близкие переживали сильнейшие потрясения, подвергаясь длительному, продолжительному стрессу, который усиливался и реактивировался чередой новых переживаний, по своей силе и травматичности не уступающих предыдущим. Такой плотности и трагичности, таких беспрецедентных потерь, столь беспощадного слома социокультурного, духовного кода и стремительного насаждения нового, массовых репрессий и террора, но одновременно с тем проявлений наивысшего героизма и стойкости, храбрости и милосердия, прогресса, научных и культурных инноваций не переживала за столь краткий период история никакого другого народа. И это реальные факты, а не фантазийные представления о них.

Многое видело на своем веку поколение, родившееся в начале XX века. По данным советского демографа Урланиса Б.Ц., приведенным в социально-демографическом очерке «История одного поколения», где он подробно рассматривал жизнь людей, родившихся в 1906 г., более трети всех младенцев не доживали до 2 лет, а пятилетнего возраста достигали 59% мальчиков и 62% девочек. Основная масса этих смертей приходи-

---

В отношении русской нации мы можем предположить действие новой формы трансгенерационного феномена, характеризующегося повторяющейся, продолженной и усугубляющейся в периоде травматизацией, не просто передаваемой от поколения к поколению, но кратно усиливающейся в результате целой серии травмирующих событий, наслаивающихся на первичные новым непереваренным горем.

лась на острозаразные заболевания. В период титанического сдвига, происходившего в стране с 1917 по 1923 гг., дополнительно к туберкулезу, как одной из первых причин гибели молодого поколения (почти треть всех умерших в возрасте 20 лет), добавился новый фактор – смерть в результате истощения от недоедания. Параллельно, огромное количество молодежи погибало в результате несчастных случаев, насильственной смерти, самоубийств – в возрасте от 20 до 24 лет по этим причинам умерло около 20%. В период взрослой жизни на первый план выдвигались потери, вызванные Великой Отечественной Войной – более половины выживших представителей этого поколения в возрасте от 20 лет погибли в бою, от ранений или в плену. А достигнуть своего 100-летнего юбилея по расчетам демографа смогли бы лишь 2% от всего поколения, родившегося в 1906 г. Удивительно при этом, что показатели доживаемости людей этого периода в десятки раз превышают соответствующие числа по Европе (Англия, Франция, Швеция). Урланис объясняет этот феномен «естественно-этническими факторами», буквально подтверждая известное высказывание самого провокативного философа

Человек, научившийся выживать в экстремальных условиях, неминуемо привыкает терпеть и выдерживать боль, находить высокие мотивы для примирения себя с невыносимой, надрывной реальностью.

вершил революции, задыхался в окопах Первой Мировой, так и не постигнув ее патристический смысл, погибал в самой безжалостной братоубийственной войне, отправлялся в безвозвратный Ледяной поход, сходил с ума от голода в Поволжье, обреченный сделать чудовищный выбор для выживания, самоотверженно строил новый мир, бежал и скрывался от преследований, отрекался от прошлого и верил в будущее, лишался домов и хозяйств, сражался и умирал на самой кровопролитной и масштабной в истории человечества войне, подсчет жертв которой до сих пор расходуется в немыслимых для статистики пределах (от 20 до 50 млн), навсегда забывал родных и друзей, обретал новых, доблестно трудился и гордился невиданными миром достижениями – великие мученики и великие палачи, одновременно жертвы и каратели, разрушители и творцы, на чьих глазах и с чьим непосредственным участием фундаментально менялась страна и ее многоликая нация, люди, ход их мыслей, уклад, строй жизни. И этим переполнялся их внутренний мир – осознанный и, особенно важно, бессознательный, куда навсегда оседает пыль и пепел времен, осколки пережитого, но непринятого, вкрапляемые в воспаленную ткань психики вечными занозами и нарывами.

2 «Was mich nicht umbringt, macht mich staerker», нем.яз. – Ф.Ницше, «Так говорил Заратустра»
3 На 01.01.2022 года по оценке Росстата в России зарегистрировано 145 478 097 постоянных жителей. По численности населения РФ занимает 9-е место в мире.

4 Состав СНГ на текущий момент – 10 стран: Россия, Беларусь, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Молдова, Азербайджан, Армения, Казахстан; текущая общая численность – около 273 млн. В состав СНГ не входит Украина и Грузия (численность последних около 46 млн). Состав СССР на 1989 – 15 союзных республик, включая к вышеперечисленным Латвийскую, Литовскую и Эстонскую ССР (текущая общая численность последних около 6 млн); численность СССР на 1989 – около 287 млн. Состав Российской Империи на 1906: 50 губерний Европейской России, Кавказ, Сибирь, Средняя Азия, Привислинский край, Финляндия; численность – около 149 млн.

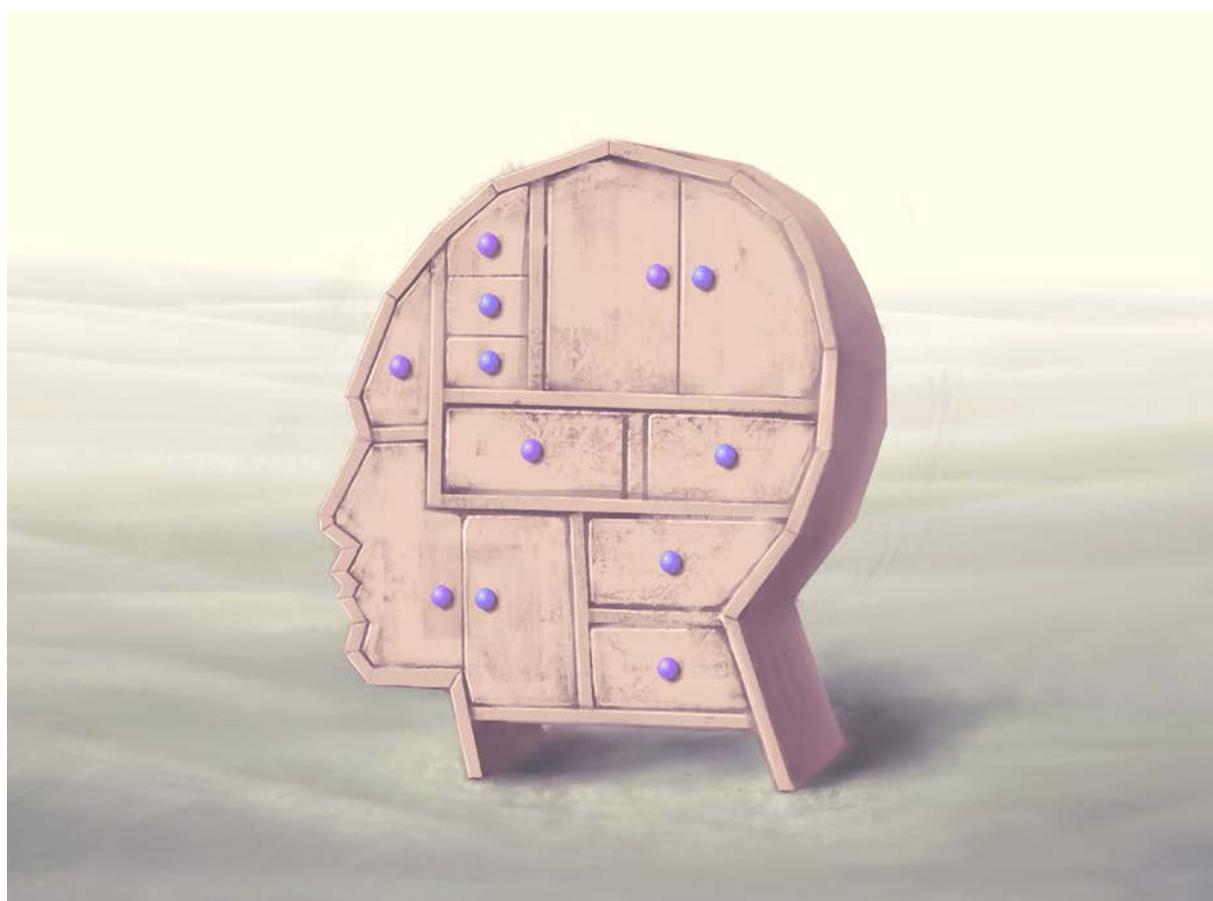
XIX века: «Что не убивает нас, делает нас сильнее»².

К нашему времени представители этого поколения уже полностью исчезли, однако их судьбы и деяния будут жить и отзываться в нас, их потомках. 145 миллионов россиян³ или, что корректнее, около 330 миллионов жителей СНГ и других стран, приблизительно соответствующих составу Российской Империи и СССР⁴ – преемники тех, кто

То, о чем замалчивается в первом поколении, последующее будет носить в своём теле.

Таким образом, в отношении русского народа мы можем предположить действие новой формы трансгенерационного феномена, характеризующегося повторяющейся, продолженной и усугубляющейся травматизацией, не просто передаваемой от поколения к поколению, нократно усиливающейся в результате целой серии травмирующих событий, наслаивающихся на первичные новым непереваренным горем. Областью приложения такого колоссального психоэмоционального воздействия могли оказаться представители даже одного поколения, на долю которых выпало пережить всю череду трагедий XX века, но совокупно охватывало не менее трех. С уверенностью можно сказать, что ни одну современную российскую семью не обошли стороной события прошлого века. У каждого есть, что вспомнить, или, скорее, что забыть.

Этот уникальный процесс, равно как и работу горя в нем, можно сравнить с приготовлением причудливого пирога, состоящего из многочисленных, разнообразных коржей и начинок. В форму для выпекания первым слоем вливается один вид теста-начинки, и в норме ему необходимо дать время для застывания, укрепления, чтобы второй слой легко ложился на подготовленную, окрепшую поверхность, однако времени и условий для такого «созревания» не предоставляется, и густую «неостывшую» массу тут же накрывает вторая порция. В результате происходит смешение – вкусов, компонентов, фактур – и снова, не дожидаясь стабилизации, поверх этого набрасывается третий слой, который тоже, в свою очередь, вступает в незамедлительную диффузию с ранее

замешанной структурой. И так далее и так далее, пока в результате на свет является не слоеный пирог, аккуратно разделенный на отдельные, пропеченные, обработанные коржи, а одно огромное, испещренное неперевавленными вторжениями, химерно-сакральное нечто, вдоль и поперек иссеченное сочетанными рваными ранами новых и старых наполнителей, насквозь пропитанное перемешавшимися, но не растворенными соками, изрешеченное застывшими в термической агонии комочками, образующее уникально-гротескный, сладко-полынно-соленный, отталкивающе-манящий, ранее невиданный синтез вкуса, цвета и запаха.

«Человек воюющий», выражаясь словами Елены Сенявской, российского историка, специалиста в исторической и военной психологии, автора книги «Психология войны в XX веке: исторический опыт России», в перспективе трансгенерационного анализа, скорее, видится человеком страдающим. Человек, научившийся выживать в экстремальных условиях, неминуемо привыкает терпеть и выдерживать боль, находить высокие мотивы для примирения себя с невыносимой реальностью. Постоянные лишения и практически отсутствующий опыт постоянства (стабильное спокойное проживание с ясной долгосрочной перспективой), хроническое чувство опасности и ожидания беды, необходимость выживать, но неумение жить во многом определили характерные черты русско-советского человека. Легендарный «авось» уже не кажется таким уж малодушным, когда хлеб, кров и мирное небо представляются наивысшим и неудерживаемым благом – почти призраком, мечтой, надеждой... Человек, адаптировавшийся к жизни под ударами, в системе непрерывного насилия, принуждения и двоемыслия, становится подозрительным и настороженным, избегающим контроля и одновременно стремящимся к нему, боящимся всего нового, способного оказаться страшнее привычного старого. Он утрачивает способность к длительным усилиям, но, между тем, всегда готов к рывку; искренне предан родине в ее идеальном представлении и совсем не доверяющий ей в ее проявленной ипостаси. Страждущий и страдающий. Жажущий и ненасыщаемый. Структурный гибрид мазохистического и нарциссического генеза, где моральный триумф от переживаемых страданий и преданность ценностям, более высоким, чем собственное Я, неразрывно связаны с патологическим дефицитом базовой безопасности, тревогой идентичности, ощущаемой как фальшивой и, больше всего, константным переживанием лишенности – любви, памяти, истории.

Согласно современным исследованиям, наибольшее проявление трансгенерационной передачи наблюдается в третьем и четвертом поколении. Именно они становятся самыми тревожными заложниками старых травм, обреченными страдать «вслепую» – не будучи участниками, а зачастую даже не знающими о них. Мы все – прямые потомки участников тех событий, и в каждом из нас до сих пор живут их осколки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Берн Э. Люди, которые играют в игры. Nykoping: Philosophical arkiv, 2016.
2. Кампенхаут Д.В. Слезы предков: жертвы и преследователи в коллективной душе.
3. Мизинова А.В. Семейная тайна: отражение содержания секрета в работе с психологом [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2012. N4.

4. Сонди Л. Судьбоанализ. М.
5. Тэхкэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход.
6. Штайнер К. Сценарии жизни людей: Школа Эрика Берна
7. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы
8. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи
9. Эльячефф К. Затаенная боль. Дневник психоаналитика
10. Abraham N., Torok M. Secrets and posterity: The theory of the transgenerational phantom
11. Auerhahn N. P., Laub D. Intergenerational memory of the Holocaust
12. Connolly A. Healing the wounds of our fathers: intergenerational trauma, memory, symbolization and narrative
13. English F. Episcrpts and the hot potato game
14. Faimberg H. The telescoping of generations: listening to the narcissistic links between generations
15. Fraiberg S. et al. Ghosts in the nursery
16. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust
17. Kellermann N.P. Transmission of Holocaust trauma – An integrative view
18. Volkan V.D. Transgenerational Transmissions and Chosen Traumas: An Aspect of Large-Group Identity
19. Volkan V., Ast G., Greer W/F. The Third Reich in the Unconscious: Transgenerational Transmission and its Consequences
20. Урланис Б.Ц «История одного поколения»
21. Сенявская Е.С. «Психология войны в XX веке: исторический опыт России»
22. Россия накануне великих потрясений. Социально-экономический атлас. 1906-1914
23. Потери населения СССР в 1937-1945 гг.: масштабы и формы